

Так долго этот пейзаж прекрасный
Не видел я, что стал он сном неясным.
И все же, в час тоски и одиночества,
И шума городского, всегда со мной он.
Он дарит чувство, оживляющее кровь,
И сердце заставляющее биться.
И в ум мой чистый проникает,
И дарит обновление — воспоминания
О радостях ушедших
И о том, какое те влияние окажут
На лучшее, что знает человек —
На мелкие, забытые, но важные
Деяния любви и доброты.

*Уильям Вордсворт,
«Строки, написанные неподалеку
от Тинтернского аббатства
при повторном путешествии
на берега реки Уай»*

Ни один добрый поступок,
пусть даже совсем маленький, не напрасен.

Эзон, «Лев и мышь»

Я знал, что придет тот день, когда обстоятельства вынудят меня вернуться в город Дентон штата Флорида, где я вырос. Моих родителей не стало еще до того, как я закончил школу, но в этот раз я снова приехал сюда на похороны.

Дентон моего детства напоминал мне старика, живущего в согласии с собой и не желающего меняться. Однако в тот солнечный день в 1990 году, проезжая по мосту, перекинутому через бухту между заливами Дентон и Мексиканский, я взглянул на изумрудно-зеленую воду, привычно ожидая увидеть гавань, лежавшую под защитой Сахарного острова, длинного, из сахарно-белого песка. Но вместо этой гавани, забитой рыбацкими лодками, лениво усеивающими пейзаж, меня встретила набережная, полная водных мотоциклов и шума. Новые лодочные причалы выросли и изогнулись над землей, как раковые опухоли. На фоне блестящих яхт, которые бесцеремонно вторглись в мою гавань, рыбацкие лодки казались бедными родственниками. Семнадцать прошедших лет нанесли городу и его особому шарму слишком очевидный ущерб.

За мостом я свернул на дорогу, ведущую от гавани к дому моего детства. К захудалому клочку земли, потерявшемуся среди сосен и кустарниковых дубов. Ког-

ЧАРЛЬЗ ТАББ

да я подошел к нему, меня охватило ощущение тоски и утраты, и я сидел один в своей машине и плакал впервые с тех пор, как покинул Дентон. Вместе со слезами нахлынули и воспоминания, но на этот раз я не стал загонять их в темный угол, а встретил приветливо и радушно, как дорогих гостей.

Память часто играет с нами злые шутки. Печальные воспоминания нередко растворяются в тумане, чтобы мы смогли их выдержать, а светлые и радостные зачастую приобретают незаслуженный блеск. Но год, когда мне исполнилось тринадцать, я помню ясно. Во всяком случае, мне так кажется.

Все началось в этот день шестьдесят восьмого года, когда я нашел Скелета. В день, когда мы с Роджером и Ли угнали лодку Дэна Расселла, чтобы быстрее добраться до баржи, несколько дней назад застрявшей на мели. Роджер и Ли были моими лучшими друзьями. Мы всегда находили чем заняться, — порой чем-то опасным и даже не вполне законным. Вот и в тот солнечный июньский день тоже решили отправиться навстречу новым приключениям. Ли и Роджера ожидали неприятности, если бы их поймали на краже лодки. Меня — нет, потому что моим родителям было наплевать.

Баржа застряла на северном берегу Сахарного острова, выходявшего на гавань примерно в трехстах ярдах через залив. Мы полагали, что рыба будет роиться вокруг нового рифа, и хотели наловить немного, прежде чем кто-то утащит баржу.

Мы знали, что Дэн Расселл, владелец лодки, сидел за решеткой и должен был просидеть там по меньшей мере несколько дней после того, как испортил машину своей бывшей подружки и ворвался в ее квартиру, поэтому он никак не мог узнать, что мы «одолжили» его лодку. Только если бы кто-то увидел нас и донес...

ВЕТВИ НА ВОДЕ

Конечно, такой вариант был маловероятен, но мы все равно спорили по этому поводу.

— А вдруг твоя сестра узнает и всем растреплет? — спросил Роджер у Ли. — Вот нам тогда достанется! И Дэн узнает, что мы взяли у него лодку, и родители нас прибьют.

— Может, надо было ее подкупить, — запоздало предложил я.

— Не-е, Джек, — сказал Ли, блестя голубыми глазами из-под лохматой выгоревшей на солнце челки, — Сандра никому не скажет. Потому что у меня тоже есть что про нее рассказать.

— И что же? — спросил я.

— Они с Грегом курили.

Грег был приятелем Сандры. И коль у нее над головой висел такой тяжкий грех, мы могли быть уверены, что она нас не выдаст. Ее родители терпеть не могли Грега. Уже за одно общение с ним ей бы влетело, а раз они еще и курили...

— А вдруг за баржей придут, как раз когда мы будем ловить с нее рыбу? — спросил Роджер. Когда он волновался, его веснушки становились такими же ярко-рыжими, как его кудрявые волосы, и сейчас они прямо пылали. Ли посмотрел на Роджера так, будто у него вырос ещё один нос.

— Ну так и что? Уплывем отсюда и все. Ну, наорут на нас, подумаешь.

— Тогда чего мы ждем? — спросил я и ухмыльнулся.

Мы с Ли забрались в маленькую лодку, за нами последовал Роджер, по-прежнему недовольно бурчащий себе под нос. Вытащили рыболовные снасти из маленького отсека, попутно споря, кто поймает больше рыбы. Отвязав веревку, которой лодка крепилась к причалу, мы по очереди гребли к гавани. Волнение Роджера по

дороге быстро унялось, как мы и думали. Он вечно ныл, но никогда не отказывался от плана.

Скоро мы добрались до застрявшей баржи. После того как мы нашли место, где можно было привязать лодку к заброшенному судну, я забрался на плоскую металлическую палубу и сразу же об этом пожалел.

— Ноги горят! Ноги горят! — вопил я, вытанцовывая по раскаленной поверхности баржи, поднимая босые ноги в воздух, едва они касались нагретого солнцем металла. Смеясь, Ли и Роджер притащили два ведра, куда мы собирались складывать пойманную рыбу, наполнили их водой и выплеснули на горячую поверхность. Я сразу же прыгнул на мокрое место.

— Так, конечно, лучше, но все равно горячо, — заявил я, по-прежнему отплясывая джигу. Им пришлось облить палубу еще несколько раз, прежде чем я наконец смог по ней ходить.

— У тебя был такой вид, будто твои ног поджаривали на гриле, — рассмеявшись, сказал Ли.

— Так оно и было, — ответил я, тоже смеясь. Я наслаждался нашей беззаботной дружбой, несмотря на все, что творилось у меня в семье, а может быть, как раз и поэтому.

Ли и Роджер знали о моей ситуации, но мы никогда ее не обсуждали. Всему городу было известно, что мои родители пьют. Я часто смотрел по телевизору «Шоу Энди Гриффита» и пришел к выводу, что в каждом городе есть свой собственный пьяница. А мне повезло родиться в семье местного Отиса и его такой же развеселой супруги*. Над этим комическим персонажем

* «Шоу Энди Гриффита» — ситком, выходявший с 1960 по 1967 год. Отис Кэмпбелл — один из персонажей этого шоу, пьяница.

ВЕТВИ НА ВОДЕ

я никогда не смеялся. Для меня его похождения были слишком правдивы, чтобы казаться смешными.

Мы насадили на крючки куски сырого бекона, который Ли утащил из родительского холодильника. За нами простиралась бесконечность Сахарного острова, и лишь песчаные дюны были свидетелями того, как проходил наш день. Низко висевшее солнце поджаривало наши спины, уже и так за долгую жизнь впитавшие золотистый загар.

Леска Ли первой ударилась об воду, и рой золотистой форели тут же бросился к жирной приманке.

— Ого! — воскликнул Ли, выдергивая удочку так же быстро, как бросил. С крючка свисала маленькая серебристая форель.

— Ух ты! Они, видать, голодают, — предположил Роджер, опуская в воду свою леску. На его крючок тоже моментально насадилась рыба. — Отродясь не видал ничего подобного, — заявил он, вытягивая ее из воды.

— Ты *отродясь* и в школе не бывал, да? — спросил я и рассмеялся. Роджер посмотрел на меня.

— Ты бы лучше удочку забрасывал, если хочешь наловить больше меня, зубрила.

Я опустил леску в соленую воду и мгновенно вытянул с тем же результатом.

— Уж это лучше, чем крупа! — сказал я, поднимая в воздух бьющуюся рыбу.

За пятнадцать минут все мы наловили приличное количество рыбы, но продолжали и продолжали. Наконец Роджер заметил, что ее слишком много, и сказал:

— Что-то, ребят, мы разошлись.

Мы с Ли посмотрели на три ведра, уже почти переполненные.

ЧАРЛЬЗ ТАББ

— Да вы только посмотрите! — воскликнул Ли, пораженный, что мы в такой короткий срок поймали так много. — Штук по пятнадцать на брата!

— Если это увидят, нам крышка. Надо по крайней мере несколько выкинуть обратно. — По тону Роджера было понятно, что он ожидал разногласий.

— Спятил, что ли? Я тут ловлю, стараюсь, — буркнул Ли, очевидно недовольный таким раскладом.

— Стараешься? Да ты за десять минут ее наловил, — сказал Роджер.

— Да, по пятнадцать на брата, — вставил я, — я посчитал.

— Посидим тут еще пять минут.

— Думаешь, морской патруль закроет глаза на то, что мы выловили вдвое больше положенного, потому что мы аж целых пятнадцать минут тут проторчали? — буркнул Роджер. И, конечно, Ли в ответ заявил:

— Оставим тридцать самых больших. Выйдет по десять на каждого.

— Но лимит-то восемь, — напомнил Роджер. Ли посмотрел ему в глаза и пожал плечами.

— Я оставлю десять. Свою рыбу можешь хоть всю выкинуть. На здоровье.

Мы начали выбирать рыбу получше, и внезапно я услышал рядом с Ли какой-то звук. Повернулся, да так и вытаращил глаза.

— О Господи, — прошептал я.

— Что такое?

— Только посмотрите, — сказал я, но они уже и сами заметили мой испуганный взгляд и посмотрели в направлении звука.

— Святой Иисус на колеснице, — пробормотал Роджер.

ВЕТВИ НА ВОДЕ

К нам ковылял большой кобель непонятной породы, на вид больше похожий на скелет собаки, на который сверху набросили шкуру, как ковер набрасывают на куст, чтобы выколотить. Животное явно умирало от голода. Под его бледно-желтой с белыми пятнами шкурой виднелась каждая кость. А самой заметной отличительной чертой, кроме костлявости, было отсутствие правой передней лапы. По всей видимости, она была утрачена уже очень давно, и кобель научился ковылять на трех.

— И что нам делать? — спросил Роджер, пища от страха. Услышав его, собака вяло завилыла хвостом и покорно склонила голову. Я облегченно выдохнул, хотя до этого сам не замечал, что у меня перехватило дыхание. Мы не знали, что случилось с этим псом и как он попал на Сахарный остров, но, по крайней мере, уже видели, что он не потерял дружелюбия.

— Он, видимо, рыбу учуял, — произнес Ли.

— Или бекон, — предположил я, нагнулся и бросил остатки бекона собаке, которая подхватила их раньше, чем они коснулись земли, и проглотила раньше, чем осознала, что они у нее во рту. Мы наблюдали за животным как замороженные.

— И что нам делать? — снова спросил Роджер, на этот раз с жалостью.

— Была бы собака что надо, если бы ее кормили, — заметил я.

— Да, и будь у нее четыре ноги, — добавил Ли.

— Так и что нам делать? — произнес Роджер уже в третий раз.

— Заберу его домой. Насовсем, — уверенно объявил я и почувствовал, что сам удивлен своим внезапным решением не меньше, чем мои друзья.

— Ты с ума сошел? Отец тебе не разрешит! — сказал Ли.

Я посмотрел на него. Вид у него был такой, словно я предложил забрать домой баржу и закопать у меня на заднем дворе. Я по его глазам видел, о чем он думает. *Твои родители — алкоголики. Они на это не согласятся. Собака стоит денег. Ты же нищий,* — вот что говорили его глаза. Но я уже принял решение.

— А то, может, ты его возьмешь? — спросил я у Ли.

— Не могу. Мама боится больших собак, особенно до того голодных, что могут и тебя сожрать.

Я посмотрел на Роджера.

— Ни в коем разе! — воскликнул он еще до того, как я задал вопрос. — У нас уже есть пес. Этого папаша пристрелит, и, может, ему так будет даже и лучше. Он страдает, бедняга.

— Не будет страдать, если его кормить, — ответил я и стал осторожно подбираться к собаке.

— Дже-е-к, — заканючил Роджер.

— Все в порядке. Еда-то у меня, — сказал я, поднимая вверх последний кусок бекона. Когда я подошел ближе, пес лег на спину и выставил впалый живот. Я сел на корточки, чтобы его погладить, а он вновь завилял хвостом и лизнул меня в лицо. Я чувствовал исходящий из его пасти запах сырого мяса. Я скормил ему все и улыбнулся псу, которого уже считал своим.

— Видишь? Он мой, — я смотрел на него как на победителя выставки. — Пойдем со мной, мальчик. Я придумую, как тебя откормить.

Я встал. Причмокивая губами и хлопая себя по бедру, побрел к лодке, совершенно забыв о рыбе. Собака с трудом поднялась на ноги и поковыляла за мной. Роджер и Ли обменялись ошарашенными взглядами.

— И что нам делать? — задал Роджер свой любимый вопрос, на сей раз по поводу меня. Ли пожал плечами,

ВЕТВИ НА ВОДЕ

продолжая сортировать рыбу и выбрасывать ту, что поменьше.

— Помогать ему закопать собаку, когда его отец ее пристрелит, — ответил Ли, нимало не беспокоясь, что я могу услышать. Друзья не разделяли моей веры в чудо, которой и я не должен был иметь.

Они вновь недоуменно посмотрели на меня. Вид у меня, наверное, был такой, словно я неожиданно обнаружил целый горшок с золотом на краю радуги. И в каком-то смысле так оно и было.

Мы забрались в лодку, сдвинувшись так, чтобы и псу хватило места, и погребли обратно к побережью. Рыбьи кишки мы тоже ему скормили, и он тоже проглотил их слишком быстро, чтобы понять их вкус. Я думал, как буду убеждать родителей, особенно отца, оставить пса. Держать собаку недешево. Ей, очевидно, требовалась помощь ветеринара, а также много еды. По очереди работая веслами, мы обсуждали, как вообще собака оказалась на острове. Судя по состоянию пса, он пробыл здесь довольно долго; наверное, метался по песку в поисках еды, пока мы сюда не приплыли.

— Пойдете со мной? — спросил я Ли и Роджера.

— Куда? — не понял Ли.

— К папе, поговорить насчет собаки.

Второй раз за день Ли посмотрел на меня как на сумасшедшего.

— Черта с два.

От Роджера даже ответа не требовалось. Его взгляд говорил сам за себя.

— И как я, по-вашему, должен справиться в одиночку? Вы бы мне хоть совет дали.

— Мой совет ты не послушал, — заметил Ли.

— Да ладно тебе, Ли, — сказал я. Друг встряхнул головой.

— Что ж. Сначала выясню, хорошее ли у папы настроение. А если плохое, то я даже и не знаю.

— Где ты возьмешь деньги, чтобы кормить собаку? — подал голос Роджер. — Твой папаша тебе точно не даст.

— Может, буду чистить рыбу, — предположил я.

Многие дентонские ребята постарше спускались в доки, куда большие дорогие лодки привозили туристов после глубоководной рыбалки. Ребята стояли по краям дока и спрашивали всех, кто выходил из лодок, не нужно ли им почистить рыбу. Обычная ставка составляла десять центов за фунт рыбы. Несколько красных и пара морских окуней могли принести целых три доллара. Если рыбалка выдавалась удачной и туристы как следует напивались, они могли даже дать на чай. В шестьдесят восьмом году это были большие деньги, особенно для двенадцатилетнего мальчика. Одна неделя позволяла обеспечить собаку едой. Еще одна, и можно было бы заплатить ветеринару, чтобы он ее осмотрел и позаботился о незначительных проблемах. Три удачных недели, и мальчишка моего возраста чувствовал себя Рокфеллером.

Роджер, конечно, сразу указал на недостаток моей теории.

— Нам не разрешат чистить рыбу. Дети младше тринадцати лет не допускаются.

— Нет такого закона. Нет даже такого правила для владельцев лодок, — сказал я.

— Да. Но есть правило Томми.

Роджер произнес эти слова так, словно это было хуже любого закона, за который могла преследовать полиция. Томми Гордон был самым старшим из чистильщиков рыбы. Ему было шестнадцать, и он бросил школу на следующий день после того, как стал, по мнению государства, достаточно взрослым, чтобы са-

ВЕТВИ НА ВОДЕ

тому решать, надо ему учиться дальше или нет. Томми считался хулиганом, особенно среди таких малолеток, как я. Всей молодежью Дентона заправлял он. Никто из моих ровесников не рискнул бы спорить с Томми, если только не хотел быть жестоко избитым. Говорили, что даже его родители не стали с ним спорить, когда он бросил школу. Я подумал, что они понимали — ему в любом случае суждено работать в доках, а не учиться в колледже, но нетрудно было представить, что он их запугал. Мы же сами его боялись, поэтому думали, что и другие его боятся.

В чем Томми был хорош, так это в управлении своей территорией. Этой территорией были доки, и он следил, чтобы конкуренция за чистку рыбы была минимальной. Я полагаю, он решил, что, запретив детям младше тринадцати чистить рыбу, он как следует обеспечит ею себя и к тому же еще получит возможность как следует навалить младшим ребятам.

Я стал думать, как мне выйти из положения, и меня осенило так внезапно, что я удивился, как раньше до такого не додумался.

— А я просто скажу Томми, что мне уже исполнилось тринадцать. Он же не знает, когда у меня день рождения.

Было видно, что Роджер и Ли немало изумлены, как это такое простое решение не пришло им самим в голову. Томми был далеко не гением. К тому же тринадцать мне должно было исполниться уже, можно сказать, довольно скоро, и я был довольно высоким для своего возраста, так что он мог мне поверить. Хотя мог и не поверить.

— Но все равно придется уговорить папу взять такую собаку, — сказал Роджер.

— Да, я знаю. Может, если я встречу его по дороге с работы, у него будет хорошее настроение.

Я не стал уточнять, что имею в виду, но Роджер и Ли сами понимали. Мой отец работал в местном баре. Он чистил устрицы и подавал пиво почти до восьми вечера, а потом по дороге домой заходил в винный магазин и тратил свои чаевые на бутылку дешевого виски. Он выпивал большую его часть по дороге домой, поэтому приходил уже довольно подвыпившим.

К счастью, мой отец, напившись, не становился злым. Он злился, только когда был трезв и нуждался в выпивке. Я знал, что, если поймаю его на полпути от винного магазина, он будет в довольно хорошем настроении. Я бы пообещал ему что угодно, если бы он позволил мне оставить собаку.

— Как ты его назовешь, если твой отец разрешит тебе его оставить? — спросил Ли. Я посмотрел на пса и сказал первое, что пришло мне в голову:

— Скелет.

Это очень развеселило Роджера и Ли.

— Ему подходит, — сказал Ли, с хохотом складывая очищенную рыбу в ведро и направляясь к своему дому. Он еще долго хохотал, повторяя имя моей собаки.

— Скелет... черт возьми! — на полпути он остановился и сказал: — Удачи. Тебе она понадобится.

Роджер взял ведро, в котором лежало всего восемь рыб, согласно законному лимиту.

— Удачи с папой, — сказал он и ушел.

Я остался стоять где стоял, держа в руках свое ведро с очищенной рыбой. Потом медленно побрел домой, чтобы положить ее в холодильник, прежде чем встретить отца по дороге домой. Я думал, что он обрадуется такому моему улову и возможности иметь столько форели на ужин. Полагал, что эта приятная новость